

Глава 1. Алля

Разрезаю красную бумагу ножницами. Придаю нужную форму, пишу на внутренней стороне синей шариковой ручкой: «Царапина на щеке». Пусть это останется здесь. Пусть больше подобное никогда не произойдет. Складываю объемную звездочку и верчу в руках. Глаза щиплет от слез и разочарования. В коридоре слышатся шаги. Сжимаю бумажку в кулаке и юркаю под одеяло. Дверь открывается с тихим скрипом — кто-то из родителей проверяет, сплю ли я. Наверное, папа. Может, хочет извиниться? Дверь закрывается, шаги удаляются, а настольная лампа все еще горит. Он не выключил ее... Слишком зол, чтобы пожелать мне спокойной ночи. Переворачиваюсь на другой бок и смотрю на ошметки красной бумаги на столе. Сегодня папа впервые за семнадцать лет ударил меня.

Новости о семейном и бытовом насилии часто высвечивались в ленте, но я пролистывала их, думая: «Меня это не касается». И сейчас думаю так же. Один удар ничего не значит, верно? Может, у папы случилось что-то плохое на работе, или они опять поругались с мамой. Да и синяков нет, а царапина — от его неровно подстриженного ногтя. Это всего лишь случайность.

Из коридора слышатся громкие голоса. Родители переругиваются:

— Иди и извинись перед ней, — говорит мама срывающимся голосом.

— Нечего было мне под руку лезть! — рывкает папа.

— Куда ты?

— Подальше отсюда.

Хлопает дверь, я вздрагиваю.

— Спишь? — Мама заглядывает в комнату.

У нее измученный вид. В руках ватные диски, антисептик и пластырь.

— Нет.

— Ты не переживай, он вернется и обязательно извинится. — Она садится рядом и накрывает меня одеялом.

Становится тепло и спокойно. Сейчас я в безопасности.

Мама обрабатывает царапину, лепит на нее пластырь.

— У него что-то произошло на работе? — спрашиваю я.

— Какой бы ни была ситуация, он не имеет права тебя бить. Махать руками может любой дурак. — Мама склоняется и целует меня в лоб. — Умный человек должен уметь брать верх над эмоциями. Сладких снов, милая.

— Спокойной ночи.

Она уходит, по пути выключив настольную лампу. Глаза привыкают к темноте. Не свожу взгляда с красного листа бумаги. Незадолго до ссоры я выбрала его и положила на стол. Хотела занять руки чем-нибудь, пока буду учить английский. Хобби переросло в стрессоотводчик — если я сильно нервничала из-за уроков, контрольной или дома случалось что-то плохое, я садилась за стол и создавала новую фигурку. Динозавры, инопланетяне, высокие и низкие люди, птицы — полки в комнате заполнены рукодельными экспонатами.

Разжимаю кулак и смотрю на звездочку. Если намажу ее фосфорной краской, она будет светиться. Кладу ее на прикроватную тумбу и натягиваю одеяло до носа. Завтра настанет новый день. Папа извинится, и все вернется на свои места.

— Что за пластырем? — Ко мне за парту подсаживается Роза. Мы дружим со средних классов, проводим много времени вместе. От ее любопытства и зоркого взгляда порой негде скрыться.

— Ногтем поцарапала, — вру я с фальшивой улыбкой.

— Болит?

— Не очень. Я даже вспомнила, только когда ты спросила.

Мы смеемся, болтаем, а когда начинается урок, переписываемся под носом у учителя. Ногти Розы сегодня желтые с нарисованными миньонами из «Гадкого я». Она профи в маникюре, меняет рисунки чуть ли не каждый день. Иногда хочется попросить ее сделать мне маникюр, но за любую работу надо платить, а у меня пока проблемы с карманными деньгами.

«Тебя пригласили?» — пишет Роза.

Почерк у нее корявый, буквы заваливаются влево. Сейчас она пишет лучше, а в пятом классе я едва понимала ее каракули.

«Куда?»

«У Кристины в субботу день рождения. Она вчера мне в личку писала. Сказала, что кроме одноклассников будут еще другие ребята из соседних школ».

Кошусь на Кристину с легкой завистью. Она человек с совершенно обычной внешностью, но стоит ей заговорить или улыбнуться, по-особому зажестичулировать, как она становится всеобщей любимицей. Она пришла к нам в школу в седьмом классе, подружилась с одноклассниками, а потом и с учениками из параллели. Кристина общается и с теми, кто учится в первую смену. Счастливики! Мне бы тоже хотелось возвращаться домой днем, а не бродить в темноте.

«Меня она не приглашала», — пишу неохотно.

Трудно признать, что самый общительный человек в классе тебя динамит.

«Проверь личку еще раз».

Достаю телефон и открываю сообщения «Вконтакте» так, чтобы Роза видела: я от нее ничего не скрываю.

— Пусто, — разочарованно протягивает она, вздыхает, а потом берет меня за локоть и прижимается щекой к плечу. — Ну, тогда я без тебя не пойду!

— Пф. — Качаю головой. Когда ей чего-то хочется, она начинает приставать. — Иди, раз так хочется. Подумаешь. Мы не обязаны с тобой делиться абсолютно всем.

— А ты что будешь делать?

— Найду какое-нибудь новое оригами. — Похлопываю подругу по спине. — Не парься.

Чем ближе вечер, тем мне тревожнее. Поглядываю на часы на смартфоне. До конца урока остается десять минут, и они летят слишком быстро. Когда дойду до дома, родители уже будут там. И если с мамой у меня нет проблем, то вчерашняя ситуация с папой все еще царапает сердце.

Звездочка из бумаги лежит на прикроватной тумбе. Утром я теребила ее, даже подумывала разорвать и выкинуть, но что-то меня остановило. Будто секрет, спрятанный на оборотной стороне звезды, лучше не трогать.

— Я тебе позвоню по видеосвязи, — говорит Роза. Мы обнимаемся на прощание и разбредаемся каждая в свою сторону.

Хорошо, когда живешь в центре города. Кино, рестораны, учебные заведения — все под боком. Мой мир вот уже семнадцать лет состоит из блеклой стабильности. Уроки начинаются после обеда, а заканчиваются, когда взрослые идут домой ужинать. Я дружу только с одной девочкой, хотя и не жалею. Чем больше друзей, тем больше обязательств. Иногда прихожу к маме на работу и помогаю ей. Она трудится в офисе, который находится в высотном здании с огромными окнами. Если задрать голову, увидишь лестницы и людей, снующих по ним вверх-вниз. Мама занята переговорами и подготовкой документов, поэтому мне поручаются мелочи вроде уничтожения ненужных бумаг, подшивки страниц степлером или скрепками. Мама — секретарь, и к работе

относится очень ответственно. Ее часто задерживают, отправляют в командировки. Мы с папой подолгу питаемся пельменями или макаронами, потому что кроме них ничего не умеем готовить.

Едва захожу на порог, как чувствую аромат картофельного пюре и котлет из индейки.

— Мой руки и садись ужинать, — зовет мама.

— Сейчас. — Торопливо переодеваюсь в домашнюю одежду, мою руки и осторожно захожу на кухню.

Папы еще нет.

Мама перехватывает мой взгляд:

— Сегодня он не придет. Сказал, занят на работе.

— А-а... — Сажусь за стол и смотрю в тарелку. Мама уже положила туда пюре, а котлеты настолько горячие, что от них исходит пар. Во рту слюни, живот урчит. Беру вилку. — Он давно так не делал.

Не сразу понимаю, что сказала это вслух. Папины ночевки в другом месте — болезненная тема для мамы, да и для меня тоже. Раньше он работал на севере, и мы сильно по нему скучали. Все изменилось, когда папу уволили и он стал работать в местной фирме, название которой я постоянно забываю.

— Да, давно. — Мама садится за стол. — Давай не будем портить друг другу аппетит ненужными разговорами. Ешь.

— Приятного аппетита. — Я уплетаю еду.

Она всегда улучшает настроение. Не понимаю тех, кто намеренно голодает. Это вредно и опасно для организма. После ужина мама ставит тарелки в посудомоечную машину. Все лучше, чем портить кожу рук бесконечным мытьем посуды. Резиновые перчатки лежат в ящике для вида, мы никогда ими не пользуемся.

— Когда папа извинится, обязательно скажи мне.

— Конечно. — Протягиваю к ней руки, чтобы обняться, но она не замечает этого и проходит мимо, погруженная в свои мысли.

Ухожу в комнату. Ищу в интернете новые виды оригами. Выбираю что-то посложнее, подготавливаю бумагу, а потом сижу, уставившись в стену. Проступок папы, тон мамы, день рождения Кристины, куда меня не позвали, все это странным образом спутывается в клубок колючей черной шерсти. Я не знаю, как его распутать. Проще взяться за ножницы.

Глава 2. Жора

Фотография в деревянной рамке шатается. Вжимаюсь спиной в стену. Бежать некуда, *она* перекроет мне дорогу. Пытаюсь сосредоточиться и сосчитать хотя бы до пяти. Вдох-выдох, рука на пульсе, а он скачет. Кровь отливает от лица. Мимо пролетает блюдце, что я подарил на Восьмое марта в прошлом году, и разлетается белыми осколками по комнате. Один из них царапает кожу на руке.

— Я тебя для чего ращу? — кричит мать. — Чтобы ты мне двойки из школы приносил?

Она швыряется всем, что под руку попадется. Я забыл убрать сервиз, это огромная ошибка. В нашей квартире острые предметы опасны, поэтому перед уходом в школу я прячу их по шкафам.

— Тварь неблагодарная! — Мать бросает кружку, которую я разрисовывал несколько суток, чтобы подарок был уникальным, на пол. Она не бьется полностью, лишь ручка отскакивает и отъезжает по линолеуму. — Предатель. Такой же, как отец. Ничего нормально сделать не можешь!

Осев на стул, она громко, надсадно рыдает. Ее руки то висят, как у манекена, то подлетают к лицу и прикрывают размазанную косметику. Она — бизнесвумен, но каждый раз перед тем, как устроить скандал, красится дешевой помадой, дурацкими тенями и подсохшей тушью. Она делает это умело, никто не заметит, кроме меня. Моя мать — истеричка.

Беру в ванной совок и веник, возвращаюсь и собираю мусор. Она обожает кухонные наборы: сервизы, чайники, кружки, стаканы — все, что можно разбить. Однажды я купил пластиковые

стаканчики, за что она наказала меня и поставила в угол на пять часов. Мочевой пузырь едва не лопнул.

— Сил моих нет на тебя смотреть, — всхлипывает мать. Исподлобья оглядываю ее. Смотрит на меня сквозь растопыренные пальцы. Сложно отказать человеку, от которого зависит твое будущее. — Убери бардак и скройся в своей комнате. Не выходи оттуда, пока не позову.

Поднимаюсь, поворачиваюсь.

— Погоди-ка... — Она щелкает пальцами. Вздрагиваю. — Еду приготовил?

— Да. — Легко киваю на холодильник. — Там спагетти с...

— Избавься от мусора и разогрей мне ужин. — Мать вытирает косметику салфеткой. — Чтобы, когда я вернусь из ванной, тут стояла еда, а тебя не было. Понял?

Киваю. Она проходит мимо и захлопывает дверь ванной передо мной. Я храню в ящике стола запасную пачку мусорных пакетов. Сбрасываю осколки в один, затягиваю узел и выхожу на лестничную площадку. Кидаю мешок в мусоропровод, возвращаюсь и мою на кухне руки. Разогреваю для матери ужин, расставляю столовые приборы, достаю из холодильника наполовину опустошенную бутылку вина. Сегодня оно ей понадобится. Закончив с оформлением стола и разливом алкоголя, исчезаю в своей комнате и закрываю дверь. Когда-то на ней был шпингалет, но мать от него избавилась. Ей нужно знать, чем я занимаюсь, и плевала она на мое личное пространство. По ее мнению, я лоботряс, а по моему собственному, я... Не знаю, кто я.

— Осанкин, че спишь? Играй уже в команде! — рявкает тренер. Трясу головой, часто моргаю. Свет настенных ламп слепит. Я всю ночь ворочался и смог заснуть только под утро. Кое-

как пережил утренние занятия, а теперь должен выложиться по полной, чтобы моя баскетбольная команда не продула.

Веду мяч по полю, вижу открывшегося игрока и пасую ему. Эта игра тренировочная, можно схалтурить.

— Жора, аккура... — Слышу крик, поворачиваюсь, и мяч падает мне в ногу.

От неожиданности спотыкаюсь и падаю на бок. Мир расплывается красными пульсирующими пятнами. Дребезжит свисток — тренер объявляет тайм-аут.

Ребята из команды поднимают меня, усаживают на скамью. Кто-то прикладывает к моей ноге пакет со льдом. Я дезориентирован.

— Жора, ты как?

— Блин, куда смотрел-то, Осанкин?

Они все болтают, беспокоятся, а я так хочу, чтобы никого из них не было рядом. Пусть они все исчезнут, провалятся или содохнут. Мне все равно.

— Кто-нибудь тебя подменит. — Тренер хлопает меня по плечу. — Сходи в медпункт и вали домой. Ты мне на передовой нужен на предстоящем матче. Слышишь меня?

Мычу что-то неразборчивое, поднимаюсь, пошатываясь.

— Жилин, сопроводи его, — говорит тренер за моей спиной.

Юрка Жилин — мой главный соперник. Когда надо, мы играем слаженно, но обычно именно он кидает в меня мяч.

— Ну че, неудачник, пойдем. — Жилин под руку тащит меня к выходу из спортзала.

Впереди лестница, при каждом шаге нога болит.

— Отвали, сам дойду.

— Нет. Мне тебя поручил тренер, и я его не подведу. — Он с силой сжимает мое плечо. Стискиваю зубы, не меняясь в лице. — Ты, Жора, слишком много о себе думаешь. Тебя половина команды терпеть не может, а другая половина присоединится к первой, если тебя захотят выгнать. Ты понимаешь, о чем я?

Молчу. Мне плевать на его угрозы, но, если меня выпрут, у матери случится очередная истерика, а они у нее никогда хорошо не заканчиваются. Поэтому я натягиваю на лицо дурашливую улыбку:

— Брось, Жилин. Я просто не хотел тебя напрягать. Сам ведь говоришь, что у всех от меня проблемы.

— Рад, что ты это понимаешь. — Он отпускает меня только у медпункта. — Когда тренер спросит, хорошо ли я помогаю, не сболтни ему чего-нибудь лишнего. Понял?

— Хорошо, — говорю я, продолжая улыбаться.

Толкаю дверь. Жилин остается в коридоре.

Гребаный придурок.

Я часто слышу жалобы одноклассников на родителей. Одним не дают карманные деньги, вторых не отпускают на вечеринки, третьим запрещают ходить на свидания. Их проблемы ничего не стоят. Не думаю, что кто-либо из них таскал на себе пьяную мать, оттирал за ней рвоту в прихожей и в подъезде или извинялся за «доставленные неудобства».

Моя мать — директор в крупной компании. Благодаря ее навыкам они зарабатывают миллионы. Может, даже миллиарды. В бизнесе она готова сожрать любого, кто перейдет ей дорогу. Всегда выглядит безупречно, носит брендовую одежду и дорожные туфли. Наша квартира отремонтирована и обставлена дорогой мебелью. Я всегда получаю то, что хочу, лишь упомянув об этом. Но ни новый айфон, ни суперудобные кроссовки за тридцать штук не стоят моих мучений.

Хуже всего, когда она приводит очередного оборванца и заявляет, что он мой новый отец. Все эти альфонсы используют

ее, крадут наши вещи и сбегают, а мать снова и снова впадает в истерику. Она может работать удаленно, поэтому иногда уходит в недельные запои.

Мы были счастливее, когда мне было пять, а она еще не дослужилась до поста директора. И не развелась с отцом. После развода ее будто подменили. Моя добрая мама исчезла, а вместо нее появилась вечно недовольная ведьма. Она запретила отцу видиться со мной, а бабушку не пускала на порог. После ее смерти отец сдался и переехал в другой город. Я стал ему не нужен. Впрочем, как и он мне.

После медпункта иду домой. Нога болит, придется втирать мазь пару дней. Надеюсь, получится не хромать при матери. Телефон в кармане вибрирует. Смотрю сообщение и раздраженно убираю смартфон обратно. Приглашают на день рождения. Если я хочу избавиться от материнских заскоков хотя бы на пару часов, придется купить подарок и придумать очередную историю про праздник у отличницы, чьи родители работают в системе образования. Полезные связи, все дела.

Стоя на перекрестке, заглядываю в телефон и проверяю личную страницу Крис. Обычно я не обращаю внимания на ее интересы. Судя по фотографиям в «Инстаграме», она любит разводить рыбок. Куплю ей аквариум, лишним не будет. Доезжаю до зоомагазина на автобусе. В детстве я хотел щенка или котенка, да хоть улитку с улицы, но мать запрещала. Теперь растить питомца опасно. Мало ли, сорвется на беззащитном животном...

Внутри зоомагазина широкие витрины и стеллажи. Пахнет кормом и деревянными опилками. Чирикают попугаи, мяукают котята и тявкают щенки.

— Жора! Давно не виделись. — Из-за прилавка машет Зоя. Она улыбается. Машу в ответ. Пожалуй, она единственный человек, который меня не бесит. — Как дела?

— Занят был. — Подхожу к клетке с белым кроликом и смотрю на него.

Ничто так не успокаивает, как созерцание пушистых комков. А может, я понимаю всех этих зверят в клетках.

— И в этот раз будешь только смотреть? — Зоя подходит.

За кассой никого. Сотрудникам зоомагазина запрещено отлучаться, если их никто не заменяет.

— Да. У мамы аллергия, ты же знаешь.

В последние годы часто приходится врать. Много сил уходит на то, чтобы не запутаться в собственной лжи.

— Жаль, конечно. Зато наши пушистики тебя любят.

Звякает колокольчик. Зоя уходит, а я брожу по зоомагазину. Моя тихая гавань. Когда-нибудь приду сюда работать. Хожу между стеллажами и наконец натыкаюсь на то, что мне надо. Сверху стоит последний круглый аквариум. Как раз для одной золотой рыбки. Поднимаю руки, чтобы взять его, и он сам прыгает мне в ладони.

— Что за... — С обратной стороны стеллажа виднеются вытянутые до побелевшей кожи пальцы.

Опускаю взгляд и встречаюсь с карими глазами. Незнакомка невысокая, стоит на цыпочках, смотрит на меня.

— Простите, — бормочет она. — Случайно задела.

У нее круглое, но не полное лицо, румяные щеки, маленькие губы и прямой нос. Из-под шапки тянутся длинные черные волосы. Разглядываю ее, пока она обходит стеллаж. Ростом она мне по грудь.

— Можете отдать аквариум? — спрашивает.

— Для чего? Мне он тоже нужен.

— Ну... — Она переминается с ноги на ногу. — Я хочу наполнить его бумажными звездочками.

Звёзды в моих руках

Почему она сказала правду? Могла бы соврать про погибающую золотую рыбку или что-то в этом духе. Рассматриваю девушку. Она не похожа на тех, кого я привык видеть в своем окружении. И ей незачем врать. К щекам приливает кровь, ладони потеют. Аквариум начинает выскользывать. Незнакомка поправляет шапку и отводит взгляд, неловко переступает с ноги на ногу.

Протягиваю девушке аквариум. Понятия не имею, зачем держать в нем бумажные звезды, но эта причина почему-то кажется мне важнее собственных планов на подарок.

Глава 3. Аля

Обычно я ничего не выпрашиваю у незнакомцев. Неловко осознавать, что забрал вещь у того, кто тоже ее хотел. Как-то это неправильно. Вглядываюсь в лицо парня. Он улыбается, на щеках ассиметричные ямочки: на правой большая, а на левой поменьше. У него темно-серые глаза и русые волосы. За спиной — рюкзак поверх расстегнутой парки, из-под нее выглядывает молочный свитер с темно-бежевой полоской на груди и светло-бежевыми елями в ней. И почему я разглядываю его одежду?.. Как-то здесь душно.

— Спасибо, — бормочу, опуская затекшую шею и прижимая к себе аквариум.

— Впервые встречаю кого-то, кто хочет заполнить аквариум бумажными звездочками. — У него приятный низкий голос.

Должно быть, парень много выступает или говорит, потому что все слова звучат четко, а паузы размеренные.

В детстве у меня были проблемы с произношением букв. Папа предложил передразнивать дикторов новостей. Мы набирали в рот орехи, камни, конфеты и читали бегущую строку. Важно было сохранить выразительность и четко произносить звуки. Игра заканчивалась одинаково: мы смеялись до боли в живота.

— Почему не возьмешь трехлитровую банку? — интересуется незнакомец.

— Не знаю... я вышла прогуляться и оказалась здесь. — Пожимаю плечами. За спиной парня над входной дверью висят часы. Мне лучше не задерживаться. — Спасибо, что уступили мне аквариум. Я пойду.